

18+
АПОЛЛИНАРИЙ ПУШКИН

**Паломничество в уездном
городе «Британии»**

Аполлинарий Пушкин

Паломничество в уездном городе «Британии»

<https://litres.ru/74465634>

ISBN 9785007123860

Аннотация

Паломничество в уездном городе «Британии» — дебютная проза в классическом стиле, в которой сам автор, Пушкин, исследует вечные темы свободы и поиска экзистенциального смысла жизни на фоне колоритных картин провинциального быта «Британии», духовного перерождения в юношеском максимализме через три ступени притворства и самопознания, как бытия. Роман сочетает философские размышления с увлекательным сюжетом, где каждый предмет и встреча несут глубокий символический смысл.

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Паломничество в уездном городе «Британии»

Аполлинарий Пушкин

© Аполлинарий Пушкин, 2026

ISBN 978-5-0071-2386-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Слава богу, что есть человек,
На чьих ошибках
Можно учиться»

Наступила весна, долгожданная и неоднозначная. Для города и его горожан — время, когда гуманное правительство, каковым считают себя его представители, чиновники и бюрократы, подгоняет главные часы вороватым, но привычным для всех нас образом: стрелка циферблата, обгоняя и прошлое, и настоящее, преодолевает пару делений как одно, что приносит барыш работодателям, под которыми прогибаются, как камердинер в былое имперское время перед волей своего господина, так и те самые бахвальные чиновники-фанфароны и бюрократы-фанфароны в нашу пору. Такая афера проворачивается ежегодно и воспринимается как обычай. За его пределами — время, когда страдалыцы, наивные простолюдины, радуются солнцу, простирают ввысь, к его направленным лучам, свои пыльные и грязные длани, как вешние растения или стадо животных, чтобы отблагодарить его и просить, молясь, на грядущий урожай: «Не обдели и нас, нашу землю, Боженька, дай хорошие посевы, пусть и наши копны да снопы будут таких величественных размеров, что придется скирды хранить и вне гумна», — говорили они, мужики-батраки; бабы в свою очередь молились на качественную, высокосортную пряжу, приговаривая: «Не обдели и наших, Боженька, овец, пусть шерсть их будет в этом году как никогда прежде благотворна» — как бы пытались

замолвить за них словечко, а у самих на пальцах, жилистых и потрескавшихся, стигматы: следы страданий, каторги, мозолей и впитавшегося во взбухшие жилы пота.

С наступлением весны, в частности месяца нисана, начались и радовавшие всех без исключения тёплые вечера, приятные телу. И там, где чайки собираются в громадные стаи, чье белое полотно заполняет весь сизый небосвод, превратно заставляя верить, что человеческий взор привык и стал восприимчив к ангельскому свету, но вдруг, не успеешь оглянуться, как они резко разлетятся и уже хаотично парят по разные стороны, как бы предчувствуя приближение опасности, вскоре покидая прибрежные бухты, — в ту пору, в один из таких поздних вечеров брел юноша, то ли белолицый, то ли, из-за сгустившегося мрака, казалось, темнолицый — нельзя было толком разглядеть, ни зги не было видно, — с выбритыми щеками и подбородком, стройного роста. Он с трудом оторвался от людской толпы, в отражении которой самые отбитые, опасные обществу, принимались за прилежных и вовсе нормальных. Гениев в толпе провозглашает в сумасшедших, что и произошло с Александром Андреевичем Чацким.

Повесил голову и бредет; разум его, мягко говоря, находился в арьергардном состоянии, как, впрочем, и он сам. Мысли, редкие и туманные, перетекали в необдуманные ак-

тивности (например, он мог себе позволить какой-то отрезок пройти как на ходулях или в приседе на одной ноге, как цапля), пока он, зевая, что окаймляло просторы глухим эхом, тащил вялые ноги по узкой, поросшей ивами и тамариска-ми, свешивающимися над головой, как смерть с косой, проселочной дороге, которая, как он себя убеждал с начала пути, давно ему знакома и верно выведет его к родительскому дому. Тут юноша намеревался благополучно переночевать. Он был сильно, невозвратно пьян, да так, что на лице выступила испарина, как будто он агонизировал в предсмертном бреду; далее приведу доказательства к своему тезису.

В действительности дело обстояло совсем иначе: после некогда суровой грозы свежий запах петрикора так подействовал на и без всего легкомысленную его головушку, да для пущей важности не трезвевшую целый день от ночного ухарства, что он вдруг наутро вразумил крайне нелепую метаморфозу как «родительский дом». Абсурд. Предрассудки. Галлюцинации. И не более. Ведь он давно сирота, точнее, признан таковым — где находятся его отец и мать, неизвестно. По одной версии они живы и лечатся в родном городе в доме престарелых, по другой — их останки незаконно захоронены под мужским монастырем Святого Франциска, где они гниют у устья реки, никому не мешая.

Тем временем юноша упорно продвигался по вымыш-

ленному маршруту, цепляясь за свой план, как неумелый всадник постукивающими ногтями в гриву каурого жеребца, хоть безжизненный и опустошенный, что глумило его фантазию. Он отбивал старательно нудный, целенаправленно монотонный и избегающий кульминации ритм, в роли инструмента используя свой заостренный каблук туфли, налакированный до такой степени скрупулезно, что натурально поблескивал тафтой. Постепенно наш юный мечтатель погружался в края воспоминаний, где слышал отдаленную колыбельную, похожую на ту, что сочинил сейчас, сказки и сплетни, мягко и ласково слетающие с уст молодой женщины, чья фигура склонилась над кроватью, загородив младенца от всех гроз. Разумеется, это была его мать. Словом — жил прошлым, в котором проще, беззаботней, и чувствовал себя ложно свободным.

Успело окончательно стемнеть, осветились улицы. На аллее, которую медленным шагом мерил, пересекая, юноша, как по сигналу семафора, зажглись фонари, когда из-за силуэта старых, обвисших ив и лип выглянула луна и отбросила тень на небольшой, отдельно стоящий ларек. Получается, что целый день он провел в скитаниях. Тогда противостояние юноши и небытия, продолжительностью во всю дорогу, наконец оборвалось. Он остановился и потому, что силы покидали его (но это решаемо и временно), и потому, что его взгляд остановился на этом магазинчике, и вся мельтешня резко пропала, туман в зрачках рассеялся, исчез, как будто его и не было. Он протер глаза и, сконцентрировавшись, прочел надпись на фрамуге двери: «Головные уборы». Вдруг в его голове, как у больного после операции, стало что-то проявляться — картина прошлой ночи, и он начал потихоньку вспоминать ее события, но пока что только несвязанными между собой фрагментами. Ему вспомнился пруд, утки, шляпа, и он схватился за голову и ощупал еще мокрые волосы — шляпы не обнаружил. Цилиндр, его он купил на днях у приятеля, приезжего камрада, очевидно, исчез. Пропал! Обидно то, что, как это произошло, он никак не мог припомнить, интерпретировать и даже попросту выдумать, чем он был именит. Элементарщина! И еще вот что, самое,

наверное, феерическое — все остальное было на месте: и его лелеянные брюки, по задумке широкие, что было в моде, но на деле вышло так, что они были излишне приталенные и короткие, с подворотами (кажется, он ошибся при заказе у негоцианта с выбором размера), и молочного цвета нанковый в клеточку кардиган, V-образный лацканый вырез которого, в силу своей ширины, позволял полноценно выглянуть мятой рубашке и плисовой манишке («эх, а славно всегда на всякий пожарный случай под рукой иметь макинтош, накинуть его сейчас было бы самое время»); поверх кардигана красовался ремень из натуральной кожи с сизой, титановой пряжкой, и, конечно, туфли с вытянутым носом, похожие на ухвостье острова; из аксессуаров он носил томпаковые часы на правой руке, на запястье, куда, не высчитывая скарба, для мужественности, сексуальности и брутальности, как он сальничал, впрыскивал одеколон, горьковато-ладановый запах которого, намешанный со сладким, концентрированным нарциссом, казалось, отвешивал оплеухи, потому что из отпрянувших, когда он проходил, выстраивался дородный, как будто бутафорский и с куклами, отдававшими честь пупенмейстеру, парад, и пенсне, болтающееся на шее за место галстука, что прямо говорило о светском, разгульном образе жизни юноши. Мотовство и гурманство, как бы сказал с апломбом революционный alter ego Грибоедова, вдохновитель поколения декабристов!

Да, к нему, как вы уже догадались, вернулось сознание, пока еще мутное. «Родительский дом» глубоко засел в нем, и он решил во что бы то ни стало добраться до него, поэтому уже собирался пройти мимо, обогнув ступеньки, ведущие внутрь магазина, с супротивной стороны, как невзначай наткнулся в темноте на балюстрады с подсветкой — все же хмель еще присутствовал в его крови, — по которым было отчетливо видно, что над ними потрудились куда более трепетно и усердно, исписали их тоже намного искуснее, чем весь оставшийся интерьер. Кровля здания вот-вот норовила рухнуть или провалиться и проломить в придачу под собой и саму крышу, ее фронтонную конструкцию и мезонин, а стены, кроме того, что краска на них облезла, не выдержали бы еще одного ненастья, будь то просто непогода или свирепый шторм, так они были слабы, ненадежны и ветхи — словом, не вызывали должного доверия. Когда он приутих в своих крепких, бранных высказываниях, так бойко слетающих с его уст насчет архитектора, который проектировал эти балюстрады, не только задерживающие, но еще и причинившие ему боль в суставах, и перевел с них свой взгляд в другое направление, снова заметил такое, что повторно перевести его не смог: на грязных окнах крутились две несопоставимые надписи на черно-белой вывеске, сменяя поочередно друг друга, как дежурные на ратной или медицинской кафедре, и складывались в категорический силлогизм. С горем пополам, после нескольких неудачных попыток и начинаний с на-

чала, он прочел: «Круглосуточно», а подле большим шрифтом, красными буквами: «Закрито». Ущипнув себя в бок и усердно поморгав, чтобы проверить, наяву ли это, он... сразу после этого его поманило к дверному проему, туда, что изначально привлекло его, в сам бутик, как околдованного, и он, не успев опомниться, очутился на пороге. Как он там оказался, он себя даже после многих лет не мог объяснить, но это был переломный момент в его жизни (пару раз, можно сказать, даже регулярно, он возвращался на то место и стоял там, не двигаясь, как бы отдавая честь, что было очень похоже на то, как молодые кавалеры томятся на караульном посту под окнами возлюбленной, так часами напролет), и потянул за мраморную, стертую сотнями посетителей ручку двери. Блудное путешествие, которым он тогда так слепо дорожил, судя по всему, откладывалось, что, безусловно, его не сильно радовало и даже огорчало — сомнений в этом не было, но ничего нельзя уже было поделать или изменить.

На входе над его головой раздался тихий и, мерещилось, отдаленный звон колокольчиков — по коже юноши прополз озноб, как проползает шустрый жучок по телу, так же как и наша куцая, мимолетная жизнь. За креслом, размером с диван, сидел продавец. Он, вероятно, уснул за книжкой, которая лежала открытой на его отслуживших коленях, или попросту дремал, так как кресло — то передвижное и мобильное, на нем можно было без труда, избегая хлопот, передви-

гаться по своему владению, магазину, благодаря маленьким колесикам на его ножках, — заскучало на месте и поскрипывало. Юноша не решился его будить, боясь, что тот разозлится, пинком, как в школе за плохое поведение, выведет за дверь и напоследок укажет на табличку «Закрыто», и сначала осмотрелся. Первое, что бросилось ему в глаза, было то, как в этом маленьком помещении расположилось такое большое количество товара, пылившегося на многочисленных, уходящих вдаль, в перспективу, полках и стеллажах. Удивительно, как все точно, аккуратно и старательно было расставлено: самые различные фасоны и виды головных уборов вмещал в себя этот магазинчик — и мужских, и женских. Тут виднелись даже какие-то фирменные шляпы с кокардой, смахивающие на борсалино и федору, но конкретного названия не приводилось; были и попроще: черные котелки, шерстяные или, пожалуй, твидовые, восьмиугольные кепи, сплошные коричневые трилби из мягкого ситца и, что пароксизмально разительно, фетровые канотье с георгинами, обволакивавшими тулью, как кашне шею (вероятно, при случайном стечении обстоятельств перекочевавшие из женского раздела). Ассортимент женских же шляп был настолько велик, что перечислять пришлось бы его не меньше, чем с заката до рассвета под светом тусклой свечи: все, что ни было создано дизайнерами до сих пор и носилось во свете, все было в этом бутике головных уборов; все новинки, которые вы встретите на показе мод или в театре, продавались тут, и даже то, чего

еще и не было придумано, давно залежалось здесь на забытых, дальних шифоньерах. Но ни те, ни другие не привлекали его; глаза, проносясь сквозь них, искали только, как и ожидалось, одного и достигли его в конце последнего по счету коридора, где из-за плотности полок не хватало воздуха и потому не было отсортировано — все валялось как попало.

Пока он возился, и его спина от напряжения извивалась, как змея, и кряхтел, как маленький ребенок от наслаждения, упоения и неги, когда ему дали новую задачу, интересную его скупому мирозерцанию, или игрушку, с которой сложно справиться и подружиться, пытаясь достать цилиндр, удовлетворивший и приглянувшийся ему своим видом — он был высокий и жесткий, как полагается, и по совместительству ценой — она была вполне оправдана, обоснована качеством, разумна, адекватна и не завышена прилагающейся скидкой — словом, все было в пределах нормы, проснулся продавец. Он не мог более сопеть так громогласно из-за доносящегося шума, влекущего за собой перекотипольную, если так можно выразиться, пыль и осевшую паутину, и нехотя открыл слипающиеся меж собой веки. Ему пришлось подняться с кресла, развернув его под аккомпанемент скрипа, чтобы проверить, что за черт является источником шороха; он был разгорячен. Каждый повторяющийся звук еще более разжигал ненависть к тому, кто его издавал, и он вскипал, как чайник, не помня себя от приступа злости и амока.

Дойдя от кассы до дальнего конца помещения, перед ним предстала следующая сцена, немного странная, нелепая и в то же время смешная: согнувшийся в три погибели юноша почти полностью залез под полку всем туловищем и головой — выглядывали только, как у трупа из-под катафалка или дрог окостенелые конечности, так и у него носки ног, — и не замечал подоспевшего продавца. Тогда продавец так завелся, что сделал не то, что постоянно делают в подобных ситуациях (фамильярно откашливаются и кладут руку на плечо, или, если это дама, боязливо дотрагиваются), нет, он, не соблюдая приличий, бесцеремонно окрикнул его. Сей посетитель, а то есть хорошо известный нам юноша, от испуга на секунду обомлел, но поспешно отпрянул и выпрямился. Увидев лицо его, что многим свойственно, покрасневшее, продавец мгновенно остыл и раскаялся в том, что накричал на это смущенное дитя, и, чтобы прервать образовавшуюся неловкую паузу, поспешил сразу извиниться перед ним за свою опрометчивую выходку и поинтересовался, что угодно было искать, но ответа не последовало. Юноша разглядывал наружность нового для себя лица с большей тщательностью и интригой.

Тот был далеко немолод; можно, в принципе, даже позволить себе употребить такое противное, всеми презируемое, гонимое и избегаемое, считающееся неблагонамерен-

ным слово, как «стар», но в данном случае оно было подходящим и уместным — ему было лет шестьдесят пять, не меньше, так его оценил сам юноша. У него были длинные и, что неудивительно, седые волосы; вследствие того, что они ужасно секлись, он убирал их назад, заплетая в массивную косу. Если не считать бакенбард на впалых скулах, очень небрежных и бесформенных, за которыми он явно не следил, хотя следы бритвы были отчетливо выцарапаны и увековечены чередами полосок шрамов, и густых, как у техасского вакеро, усов и жидовской эспаньолки, то больше растительности на его обрюзгшем лице не было. На переносице он носил спадающие очки со строгой округлой формой линз, но, несмотря на них, к тому же использовал позолоченный лорнет, что в будущем отражалось на его щепетильности. Светским, щегольским взглядом педанта юноша заключил, что покатый старик из одежды выбирал все самое непрактичное для его рода деятельности, пренебрегая этим. Например, он предпочитал носить свой демикотоновый сюртук — независимо от того, идет ли он на бал, в ресторан, куда он, впрочем, не мог себе позволить ходить, или на ручную, материальную работу — и, что примечательно, обязательно с длинными, практически волочившимися по полу фалдами, которые у него всегда и повсюду застревали и потому были все в симметричных заломах. Но ему было безразлично, просто-напросто наплевать, что они выглядели неопрятно: подумаешь! Он их даже не убирал назад, на две стороны,

даже занимая сидячее положение, а, напротив, довольствовался удобством мягкого места, приготовленного им. Или, еще как пример: каждое утро сызнава надевал свои бриджи, в которых было не то что трудно передвигаться, а попросту дышать было невозможно — так они жали ноги, атрофируя их мышцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.